

ДЖОНЪ РАРЕЙ.

(JOHN RAREY)

УКРОТИТЕЛЬ ЛОШАДЕЙ.

«Le cheval est le plus timide et le plus ombrageux des quadrupèdes après le lièvre.»

BORY DE SAINT-VINCENT.

Въ прошломъ году разнесся слухъ о г. Рарей изъ Америки, который обладает *секретомъ* укрощенія лошадей. Основываясь на журнальныхъ извѣстіяхъ, въ публикѣ много говорили о томъ, что въ Англіи опыты г. Рарей уже увѣнчались полнымъ успѣхомъ, какъ равно и въ Парижѣ, гдѣ онъ показалъ замѣчательный образецъ своего искусства, укротивъ, что-то въ два часа, знаменитаго своею злостью жеребца «Страффорда». Какъ бы ни были успѣшны опыты г. Рарей, какого бы уваженія и поощренія ни заслуживало его искусство, но удивленіе, проявившееся въ такихъ преувеличенныхъ, судя по журнальнымъ толкамъ, разгѣрахъ, показалось намъ неумѣстнымъ, и какъ ни обдумывали мы этотъ предметъ, все приходило къ заключенію, что источникъ такого удивленія только и можетъ быть то младенческое состояніе, въ которомъ находится, въ Европѣ вообще, познаніе природы лошади.

Въ какой степени справедливо это заключеніе, специалисты могутъ судить изъ слѣдующей нашей замѣтки о г. Рарей и о его способѣ укрощать лошадей.

Имѣя постоянное обыкновеніе, послѣ работы въ манежѣ, безотлагательно записывать свои наблюденія и впечатлѣнія, я отыскалъ въ своихъ замѣткахъ отзывъ, сдѣланный мною при первой вѣсти о г. Рарей и, впоследствии, объ успѣхѣ укрощенія имъ «Страффорда».

Теперь, когда г. Рарей уже былъ въ Петербургѣ, а сужденія въ публикѣ о немъ и о его способѣ остаются по прежнему неопредѣленными, я считаю небезполезнымъ сообщить любителямъ лошадей какъ замѣчанія, сдѣланныя мною еще по однимъ слухамъ, такъ и окончательное заключеніе по этому предмету.

«Укротитель лошадей!» Какая странная специальность! И гдѣ же эти лошади, требующія укрощенія? Въ степяхъ есть табуны одичалыхъ лошадей, которымъ необходимъ не укротитель, а искусный ловецъ и благоразумный образователь.

Не въ этомъ ли и состоитъ специальность г. Рарей, и заманчивое названіе *укротителя* не придали ли ему только люди, все непосвященные въ познаніе лошади? Сравнительно съ другими видами четвероногихъ лошадей, уже по наружности своей, не имѣя устрашающихъ орудій, вселяетъ наибольшее довѣріе и наводитъ на мысль, что она создана для мирной жизни съ человекомъ и для помощи въ трудахъ его. Такъ въ чемъ же выражается звѣрство лошади? Неужели копыта, составляющія ея ступню, и ея травоядные зубы можно назвать оружіемъ для нападенія? При опасности она ищетъ спасенія въ быстротѣ своихъ ногъ, и только въ крайнихъ случаяхъ употребляетъ ноги и зубы для того, чтобы отбиться отъ врага. Если же мы видимъ иногда лошадь, прямо нападающую на человека, то это показываетъ развитое *лишь въ данномъ субъектѣ* недовѣріе къ извѣстнымъ лицамъ, предметамъ и обстановкѣ, или усиленную предупредительность въ защитѣ отъ ожидаемыхъ нападеній. Устраните или разсѣйте это недовѣріе въ лошади, ознакомьте ее съ окружающими предметами, — и она не будетъ имѣть побудительной причины къ нападенію.

Такимъ-то образомъ лошадь, повидимому злая, окажется кроткою. Понятно, однакожъ, до очевидности, что настроеніе животнаго, укоренявшееся годами, нельзя радикально измѣнить въ одинъ, два часа.

Но вотъ человѣкъ рѣшается въ это короткое время поработить себѣ лошадь.

Кого можетъ видѣть она въ этомъ человѣкѣ? Конечно, врага, потому что онъ хочетъ насиліемъ обуздать ее.

Теперь, не естественно ли, что, охраняя свою свободу, лошадь будетъ наготовѣ предупредить нападенія? Вѣдь человѣкъ вызываетъ ее на бой.

Вотъ они встрѣтились—начинается борьба, длится болѣе или менѣе и, наконецъ, укротитель торжествуетъ. Но когда? Тогда, и только тогда, когда лошадь утомится въ-конецъ.

Слѣдовательно, самымъ простымъ путемъ вопросъ сводится къ тому, какимъ механическимъ способомъ укротитель доводитъ лошадь до этого изнеможенія.

«Такъ вотъ въ чемъ заключается пресловутый секретъ г-на Рарей», скажутъ тѣ, въ которыхъ слухи о немъ успѣли возбуждать такое удивленіе, и наивное любопытство которыхъ вызвало уже, съ одной стороны, нелѣпыя предположенія, а съ другой — упреки г. Рарей въ томъ, что онъ свое общепольное открытіе сдѣлалъ предметомъ продажнаго секрета, чѣмъ и заставилъ многихъ заподозрить его состоятельность въ дѣлѣ и даже добросовѣстность.

Не присвоиваю себѣ права защищать г. Рарей отъ такихъ неловкихъ, конечно незаслуженныхъ и вовсякомъ случаѣ преждевременныхъ обвиненій; вполне соглашаюсь, что *секреты* весьма нерѣдко имѣютъ источникомъ обманъ, опорой — легковѣріе публики и исключительною цѣлью — обогащеніе шарлатана; тѣмъ не менѣе долженъ сказать утвердительно, что причины, побудившія г. Рарей облечь свое открытіе нѣкоторою таинственностью, стоятъ внѣ всякихъ подозрѣній.

Дѣйствительно, секретъ самъ по себѣ уже возбуждаетъ въ публикѣ любопытство, и Рарей, горячо преданный своему дѣлу, желая непременно подѣлиться съ другими результатами своихъ трудовъ, поступилъ весьма обдуманно, придавъ своимъ опытамъ характеръ тайны. Обстоятельство это было главною причиною того, что слухъ о его методѣ распространился успѣшнѣе всякой публикаціи, и дало ему средства къ производству дальнѣйшихъ опытовъ. Онъ, такъ сказать, задѣлалъ въ своемъ манежѣ всѣ окна и залѣпилъ всѣ отверстія собственно для того, чтобы сильно-настроенное любопытство публики заставило ее, разломавъ стѣны манежа, взглянуть, что въ немъ дѣлается. Это вѣрнѣйшій

способъ возбудить интересъ къ предмету, и Рарей, вѣроятно, не ошибся въ расчетѣ.

Но, конечно, дѣло не въ способѣ сообщенія какого либо открытія, и мы, прося читателей извинить намъ это отступленіе, приступаемъ къ разбору самаго дѣла.

Какъ бы то ни было, секретъ г. Рарей возбудилъ всеобщее вниманіе и любопытство. Въ чемъ же заключается сущность его? Для людей образованныхъ не могутъ имѣть мѣста предположенія, что Рарей употребляетъ какія либо мази, порошки, плюли, прижиманія нервовъ, уколы, операціи и проч.; современное состояніе естественныхъ наукъ не допускаетъ подобныхъ догадокъ. Имѣя это въ виду и припоминая сказанное нами въ началѣ замѣтки, спросимъ: можетъ ли открытіе секрета *миновеннаго* укрощенія лошади интересовать насъ, какъ потребителей лошадей? Положительно нѣтъ, потому что, во всякомъ случаѣ, подобный процессъ долженъ отнимать у лошади впечатлительность нервовъ, сталъ бытъ, приводить ее на время въ ненормальное, болѣзненное состояніе, и нѣтъ причины сомнѣваться, что, какъ только мы освободимъ лошадь отъ вліянія употребленнаго нами средства, она будетъ точно такою же, какъ была до опыта.

Но, быть можетъ, открыто средство, оставляющее неизгладимое впечатлѣніе навсегда. Это было бы безнолезно уже потому, что искажаетъ природу лошади. Пожалуй, есть средство разомъ прекратить всякую дѣятельность натуры: одного укола булавки можетъ быть достаточно, чтобы умертвить животное.

Послѣ нѣсколькихъ опытовъ, произведенныхъ г. Рарей въ Парижѣ, императоръ Французовъ назначилъ особую комиссію для изслѣдованія его способа укрощенія лошадей. Въ отзывѣ комиссіи, между прочимъ, было замѣчено, что способъ этотъ не заключаетъ въ себѣ ничего необъяснимаго и что онъ прямо гипическій. Изъ этого тогда же можно и должно было вывести, что весь секретъ укрощенія и вліянія г. Рарей на лошадь основанъ на приобрѣтеніи власти надъ нею; надо было только оцѣнить удопопримѣняемость предлагаемыхъ имъ приемовъ. Что же касается до укрощенія злыхъ лошадей въ часъ или два, то этого положительно невозможно допустить, если принять слово «укрощеніе» въ его точномъ смыслѣ: *содѣланія кроткою навсегда*.

Впоследствии, въ Парижѣ, была открыта подписка на покупку отъ г. Рарей его секрета. Спора нѣтъ, что мѣра эта, какъ

всякое поощреніе полезныхъ специальныхъ занятій, вполне заслуживаетъ похвалы; но въ то же время она наводитъ на мысль, что, несмотря на безчисленные доказательства способностей лошади, знакомство съ нею человѣка крайне ограничено и изученіе ея нисколько не подвигается впередъ. Еще яснѣе выразилась эта мысль по выходѣ брошюры, открывавшей секретъ г. Рарей. Толкамъ и сужденіямъ не было конца; одни говорили, что его способъ не представляетъ ничего новаго или оригинальнаго, другіе утверждали, что это обманъ и что настоящий секретъ тутъ не высказанъ, и т. п. Но особенно неприятно поражали оскорбительные отзывы тѣхъ любителей, которые заплатили г. Рарей за открытіе секрета по секрету. Какже было не понять, что секрета тутъ и быть не могло?

Вслѣдъ затѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ одинъ изъ пріобрѣвшихъ секретъ, и хотя онъ во всей точности передалъ намъ употребляемые г. Рарей приемы дѣйствія на лошадь, но результаты его опытовъ оказались ниже всякой критики. Тѣмъ не менѣе, основная мысль г. Рарей представилась мнѣ точно такою, какъ я объяснялъ себѣ ранѣе: онъ овладѣваетъ лошадью, вынуждая ее къ признанію превосходства силы человѣка и къ убѣжденію, что борьба съ этой силой для нея бесполезна. Короче, Рарей заставляетъ лошадь положить оружіе.

Впослѣдствіи, прочитавъ брошюру г. Рарей, я убѣдился, что заключеніе мое о немъ было безошибочно; этотъ человѣкъ тщательно, настойчиво и успѣшно изучалъ природу лошади, и результатами своего труда пользуется совершенно добросовѣстно. Далѣе брошюра эта напомнила мнѣ первое время вступленія моего на настоящее поприще, когда я, озвакомившись уже съ лошадью, не успѣлъ еще высвободиться изъ-подъ груди тяготевавшихъ надо мною методъ и способовъ, и придавалъ имъ большое значеніе.

Упомянутая брошюра, какъ утверждаютъ, написана давно, и, надо полагать, въ то именно время, когда авторъ ея находился подъ вліяніемъ радостной мысли, что ему удалось наконецъ выйти на прямую дорогу, выработать себѣ здравое воззрѣніе на лошадь и убѣжденіе, что, вслѣдствіе того, работа его съ нею пошла успѣшно.

Съ тѣхъ поръ Рарей много ушелъ впередъ, — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, потому что избранный имъ путь просторенъ; хотя пристрастіе къ тѣмъ или другимъ средствамъ, вооб-

ще говоря, замѣтно высказывается въ брошюрѣ, но авторъ ея не даетъ особенной важности тому способу, значеніе котораго такъ усиливался доказать намъ одинъ изъ его слушателей.

Наконецъ, въ мартѣ мѣсяцѣ сего года, самъ Рарей пріѣхалъ въ Петербургъ и объявилъ, что онъ, сперва для нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, а потомъ и публично, будетъ производить опыты укрощенія лошадей; слѣдовательно, изъ городскихъ жителей всѣмъ желающимъ была предоставлена возможность наглядно ознакомиться съ его способомъ. Для тѣхъ же, кому не удалось присутствовать при частныхъ опытахъ, считаемъ необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что субъектъ, предложенный г. Рарей для частныхъ опытовъ, былъ незначителенъ; но, къ сожалѣнію, подъ рукой не случилось лошади болѣе интересной. Это была лошадь до того испорченная дурнымъ съ нею обращеніемъ, что только съ большими усиліями можно было поднять ей заднюю ногу; ковать ее было очень затруднительно, и, сверхъ того, къ подхвостнику ее приучали безъ всякаго умѣнья, чѣмъ и развили въ ней новое сопротивленіе, усилившееся до того, что она уже не допускала обыкновеннымъ способомъ закладывать себѣ пахви. Въ остальномъ же лошадь эта была смирна, спокойно ходила подъ сѣдломъ и даже нѣсколько разъ выигрывала скаковые призы.

Я не допускалъ сомнѣнія въ томъ, что и съ болѣе трудною лошадью Рарей достигнетъ успѣха, т. е. будетъ подымать ей ноги, закладывать пахви и ѣздить съ ними; но, положительно не довѣряя тому, чтобы въ одинъ урокъ можно было окончательно смягчить и исправить характеръ *незнакомой* лошади, я былъ убѣжденъ, что въ ней, по освобожденіи ея отъ вліянія учителя, легко возобновятся сопротивленія, которыя, какъ и прежде, будутъ уступать только особому искусству и ловкости или извѣстной сноровкѣ.

Я прибавилъ: «незнакомой», имѣя неопровержимыя доказательства того, что если лошадь состоитъ въ школѣ свѣдущаго человѣка, то они хорошо узнаютъ другъ друга. Впослѣдствіи, вліяніе человѣка на лошадь такъ усиливается, что, замѣтивъ въ ней какое бы ни было сопротивленіе и твердо рѣшившись сразу устранить его, онъ успѣваетъ въ дѣлѣ, хотя, конечно, не безъ усиленнаго труда.

При работѣ же съ лошадью вовсе незнакомой, никакія средства не помогутъ человѣку съ разу возбудить и упрочить въ жи-

вотношъ безусловную къ себѣ довѣренность. Ко всему этому надо прибавить, что лошадь, съ которой предстояло работать г. Рарей, была еще испорчена и ожесточена.

Вслѣдствіе вышесказаннаго, гораздо ближе къ истинѣ будетъ такое предположеніе: Рарей имѣлъ въ виду только вынудить лошадь, чтобы она допустила человѣка сдѣлать надъ собою то или другое, чего онъ желаетъ, а не исправить или образовать ее. Поэтому, отвѣчать за лошадь, которая прошла черезъ его урокъ, онъ, по совѣсти, не можетъ, очень хорошо понимая, какъ недостаточно одного такого вынужденія для полной увѣренности въ томъ, что лошадь навсегда покорилась человѣку, т. е. будетъ покорна ему и тогда, когда исчезнетъ въ ней впечатлѣніе процесса работы; чтобы имѣть такую увѣренность, надо подмѣтить въ лошади убѣжденіе въ необходимости покориться и полное сознание покорности.

Какъ только Рарей подошелъ къ лошади и взялся за нее, нельзя было не признать въ немъ отличнаго знатока лошади вообще. Нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ въ видѣ краткаго вступленія къ работѣ, вполне подтвердили справедливость этого заключенія. Такъ, между прочимъ, онъ говорилъ, что, при обращеніи съ лошадыю, человѣку необходимо вселить въ нее наибольшее къ себѣ довѣріе, стараться расположить къ себѣ лошадь, всѣми мѣрами давая ей понять, что онъ не нанесетъ ей никакого вреда, не причинитъ ни малѣйшей неприятности.

Говоря это, Рарей гладилъ и ласкалъ лошадь, вкрадывался, такъ сказать, въ ея расположеніе, и она видимо довѣрялась ему и ласкалась. Затѣмъ онъ, приготовляясь подвязать лошади одну изъ переднихъ ногъ, вынулъ ремень, расправляя который, продолжалъ поглаживать ея плечо и назначенную для подвязки ногу, при чемъ въ глазахъ животнаго ясно выражалось удовольствіе и спокойное расположеніе духа. Не подозрѣвая опасности, лошадь легко дала подвязать себѣ переднюю ногу, и, когда онъ повелъ ее по манежу, она спокойно прыгала на трехъ ногахъ, отдаваясь во власть человѣка и какъ бы полагая тѣмъ исполнить его желаніе. Когда же, подвязавъ и другую ногу, Рарей неожиданно лишилъ лошадь употребленія обѣихъ переднихъ ногъ, то она, не понимая причины такого стѣсненія, конечно, усиливалась расправить ихъ; но, скоро убѣдясь въ бесполезности своихъ усилій, остановилась на колѣняхъ, понемногу стала склоняться и наконецъ легла, ища въ этомъ положеніи отдыха.

Такимъ образомъ Рарей употребилъ во зло довѣренность животнаго и, не давъ понять лошади, за что именно и для чего онъ подвергъ ее насилію, возбудилъ въ ней недоумѣніе, которое, не будь лошадь такъ миролюбива, непременно бы перешло въ сознание, что она терпитъ за свою довѣрчивость къ человеку.

Въ лежачемъ положеніи лошадь мало затруднялась подвязками и потому, мирясь съ необходимостью, была покойна; но только что Рарей, освободивъ лошади одну ногу, подалъ ей надежду на возможность привести тѣло въ нормальное положеніе и даже допустилъ ее подняться, она вскочила, и видя, что еще не все кончено, что другая связанная нога угрожаетъ ей повтореніемъ операции, теперь уже и на трехъ ногахъ начала биться изъ всѣхъ силъ, чтобы высвободить четвертую. Неудача ожесточала ее, раздраженіе вызывало послѣднія силы,—все напрасно, и лошадь, вторично сознавъ невозможность одолѣть препятствіе, измученная и изнеможенная борьбой, опять ложилась или, вѣрнѣе, падала. Распростертая пластомъ, вся въ поту, испуская стоны и вздохи, она такъ была озабочена своимъ безпомощнымъ положеніемъ, такъ подавлена этимъ упорнымъ гнетомъ, что всѣ впечатлѣнія, менѣе беспокоившія ее, конечно, пропускала безъ вниманія.

Далѣе Рарей снова побуждалъ ее подняться; она вскакивала, билась и, обезсиленная, опять таки падала. Послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ попытокъ встать, лошадь, окончательно утративъ надежду освободиться отъ угнетенія, въ совершенномъ отчаяніи припала головой къ землѣ, легла и уже вполнѣ отдалась произволу человека, потерявъ всякую энергію для сопротивленія.

Теперь ей было все равно, что бы съ нею ни дѣлали. Что значили ей, измученной тѣломъ и убитой духомъ, какойнибудь барабанный бой, звукъ выстрѣла, ковка, пахви, сѣдло, сѣдокъ!... Впечатлительность ея довели до совершеннаго почти притупленія, какое мы постоянно видимъ въ несчастной чернорабочей лошади: что бы ни происходило вокругъ нея, даже на ней, она какъ бы ничего не видитъ, не слышитъ, не примѣчаетъ, да, пожалуй, и дѣйствительно не примѣчаетъ; она сознала уже безвыходность своего положенія и, не заботясь ни о чемъ, равнодушна безразлично и къ горю, и къ радости.

Замѣтивъ, что лошадь окончательно сдалась, Рарей развязалъ ей и другую ногу, и затѣмъ обращался съ нею почти какъ съ

предметомъ неодушевленными; тѣмъ не менѣе, я видѣлъ, что такъ какъ лошадь была сильная, то продолжительная борьба, значительно утомивъ ее, не привела еще къ полной покорности.

Поэтому, полагаю, Рарей, не желая долѣе задерживать посѣтителей, сталъ оканчивать урокъ. Впрочемъ, по всей вѣроятности, онъ и не имѣлъ въ виду овладѣть лошадью въ одинъ приемъ, и въ этотъ разъ, окончивая опытъ, долженъ былъ еще брать предосторожности, когда дотрогивался до заднихъ ногъ, позволяя себѣ дѣлать это тогда только, когда лошадь лежала. Въ этомъ же положеніи онъ закладывалъ ей пахви и постукивалъ одной ногой о другую, ударя копытами.

Такъ какъ мнѣ казалось, что нервное раздраженіе въ лошади еще не успокоилось, то я считалъ эти пробы преждевременными, въ особенности—испытаніе лошади касательно ея главныхъ сопротивленій. Я бы еще нѣсколько разъ повалилъ лошадь, чтобы окончательно размягчить ее.

Полагаю, что, будучи и самъ того же мнѣнія, Рарей только на этотъ разъ спѣшилъ окончить работу, и такъ какъ, приступая къ дѣлу, онъ предупредилъ, что для полученія надежныхъ результатовъ необходимо нѣсколько дней заниматься съ лошадью, то, надо думать, успѣхъ этого перваго урока соотвѣтствовалъ его ожиданіямъ.

Когда Рарей поднималъ лошадь и сѣлъ на нее, справедливость моего предположенія подтвердилась: хотя лошадь и не была задомъ отъ подхвостника, однако замѣтно имъ раздражалась, вздрагивала при всякомъ движеніи сѣдока; когда онъ дѣлалъ повороты, то она горбилась и несла тѣло въ такомъ положеніи, что вотъ-вотъ ударить задомъ; если же онъ трогалъ ее прямо предъ собою, она лягала и, вскинувъ раза два, продолжала поддерживать крупомъ.

Этимъ Рарей заключилъ свой первый урокъ, обѣщая показать намъ окончательный результатъ работы съ этой лошадью чрезъ нѣсколько дней.

Но такое удовлетвореніе работой безъ окончательнаго результата, этотъ перерывъ занятій съ сильно-испорченной лошадью, эту остановку на полдорогѣ я считалъ бы новой прибавкой къ трудностямъ работы, если бы имѣлъ въ виду достигъ дѣйствительнаго исправленія лошади, т. е. радикальнаго уничтоженія ея пороковъ.

По моему мнѣнію, ужь если я рѣшился подвергнуть лошадь этимъ новымъ для нея и столь рѣзкимъ впечатлѣніямъ, то надо, не оставляя ея въ недоумѣніи, до конца воспользоваться ихъ послѣдствіями: подобными мѣрами нравственная сторона лошади потрясена въ такой степени, что она съ разу уважить наше серьёзное и сильное на нее вліяніе, и неминуемо подчинится ему.

Окончательнаго результата мнѣ не было надобности дожидаться: путемъ логики и внимательнаго изученія природы лошади вообще можно было составить себѣ ясное о немъ понятіе. Я не сомнѣвался, что лошадь допуститъ своего учителя, и даже посторонняго, дѣлать надъ нею все, что ему угодно, т. е., что отъ физическаго и нравственнаго истомленія она потеряетъ всякую охоту въ данную минуту сопротивляться чему бы то ни было. Но нравъ лошади не измѣнится, склонность къ прежнимъ сопротивленіямъ останется въ ней, даже можетъ усилиться; только склонность эта, какъ и враждебное настроеніе лошади, будутъ временно заключены въ оковы.

Я былъ твердо увѣренъ, что когда Рарей будетъ показывать окончательный результатъ, каждый, кто понимаетъ лошадь, прочтетъ выраженіе вышесказаннаго въ наружности лошади и преимущественно въ глазахъ ея. Легко можно будетъ замѣтить, что лошадь вынуждена, а не убѣждена къ покорности, и что, дайте ей только свободу, впечатлѣніе уроковъ скоро не оставитъ въ ней и слѣда, и при случаѣ она не преминетъ воспользоваться своею безнаказанностью.

Вскорѣ, дня черезъ два, Рарей показалъ намъ этотъ результатъ, при чемъ я имѣлъ новый случай убѣдиться въ вѣрности моихъ заключеній: все происходило совершенно такъ, какъ я ожидалъ. Обстоятельство это нимало не поразило меня; я признавалъ, что для подобныхъ предсказаній не требовалось особой проницательности: такъ просты и естественны казались мнѣ мои выводы.

Не знаю, продолжалъ ли Рарей заниматься съ этой лошадыю; но должно сознаться, что тогдашнее положеніе ея далеко нельзя назвать удовлетворительнымъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, по мѣрѣ продолженія работы, Рарей достигалъ бы болѣе полныхъ результатовъ; но въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности прибѣгать именно къ его способу, главное преимущество котораго изобрѣтатель полагаетъ въ быстротѣ исправленія или укрощенія лошади. Надежнѣе и осторожнѣе будетъ приступить къ неторопли-

вому, менѣе крутому, но болѣе вѣрному, рациональному способу исправленія лошади, слѣдствіемъ котораго, хотя, быть можетъ, и отдаленнымъ, будетъ приведеніе лошади къ полному убѣжденію въ томъ, что ей не зачѣмъ, да и самой невыгодно упорствовать въ томъ или другомъ порокѣ. Безъ этого же убѣжденія она будетъ осторожна изъ боязни наказанія, ухоть за ней потребуетъ извѣстныхъ пріемовъ и особыхъ уловокъ, при чемъ малѣйшей оплошности сѣдока или конюха лошадь не пропуститъ даромъ.

Кромѣ описанныхъ мною частныхъ лекцій, Рарей производилъ въ Петербургѣ публичные опыты своего искусства, болѣе для ознакомленія присутствующихъ съ пріемами обращенія съ лошадыю и усмиренія ея. При этомъ, какъ процессъ работы, такъ и результаты ея, въ общихъ чертахъ, были сходны съ предъидущими; а потому, не останавливаясь на разборѣ этихъ дубличныхъ уроковъ г. Рарей, перейдемъ къ выводу, какой, по крайнему нашему разумѣнію, можно сдѣлать объ его способѣ овладѣвать лошадыю и къ опредѣленію того значенія, какое онъ долженъ имѣть въ берейторскомъ искусствѣ вообще.

Первою мыслью моею, когда, еще до пріѣзда г. Рарей, сущность системы его передавалъ намъ одинъ изъ его учениковъ, было то, что пріемы эти представляютъ новый и удобный способъ наказанія лошади, который легко примѣнять къ дѣлу безъ посторонней помощи и безъ вреда какъ себѣ, такъ и лошади. Сверхъ того способъ этотъ имѣетъ то преимущество предъ другими, что представляетъ возможность наказывать лошадь не горячась.

Еще двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, для смягченія и безусловнаго подчиненія себѣ злой лошади, я заставлялъ ее по нѣсколькимъ минутъ стоять на трехъ ногахъ, не употребляя, впрочемъ, подвязочныхъ ремней, а слегка выражая ей мое требованіе указаніемъ хлыста. Внимательно наблюдая за исполненіемъ и заставляя перемѣнять въ одинъ урокъ всѣ четыре ноги, я достигъ того, что лошадь дѣлалась послушною и стояла уже одна, посреди манежа, съ поджатою или заложеною одною за другую ногою. Это средство я употреблялъ, между прочимъ, съ лошадыю (*), которая постоянно, въ продолженіе пяти лѣтъ, била задомъ, и

(*) Въ 1850 году, к. Бедуинъ, 7-го (запаснаго) эскадрона лейбъ-гвардіи Уланскаго Его Высочества Наслѣдника Цесаревича (нынѣ Его Величества) полка.

била такъ сильно, что при этомъ движеніи, несмотря на помощь цуковъ трехъ кордъ разомъ, сбивала съ себя очень ловкаго и крѣпкаго сѣдока. При одномъ видѣ сѣдла она начинала бить, не говорю уже какихъ усилій стоило осѣдлатъ ее и сѣсть на нее. Дней черезъ десять работы съ этой лошадыю я уже спокойно обращаюся съ нею и закладываю ей ногу за ногу, когда она на свободѣ стояла среди манежа. Но само собою разумѣется, что не поднятію или сгибанію ногъ исключительно приписываю я мои успѣхи въ этомъ случаѣ: какъ и всегда, прочнымъ основаніемъ ихъ было простое, но тщательно обдуманное, терпливое и взыскательное обращеніе съ лошадыю и смягченіе ея права помощью размягченія членовъ.

Вотъ если бы при этомъ, напримѣръ, случаѣ, послѣ того, какъ лошадь могла уже вѣрно отличать мое ласковое съ нею обращеніе отъ прежняго, она выпудила бы меня неровностью и упорствомъ своего характера прибѣгнуть къ серьезному и строгому наказанію, то способъ г. Рарей могъ бы быть приложенъ тутъ съ особеннымъ успѣхомъ и несомнѣнною пользою.

Употребленный съ нѣкоторыми измѣненіями, способъ этотъ можетъ еще оказать существенную помощь въ работѣ съ лошадыю не только порченою, но и ожесточенною.

Положимъ, что вредныя наклонности такой лошади проявляются самымъ невыгоднымъ образомъ: она рѣшительно не допускаетъ человека приблизиться къ себѣ, даже съ изъявленіемъ вполне мирныхъ, дружелюбныхъ намѣреній. Истоощивъ всѣ способы приблизить ее къ себѣ путемъ какихъ нибудь уловокъ, я считаю себя въ правѣ прибѣгнуть къ насилію, которое покажетъ лошади мою возможность побѣдить ея сопротивленіе, и тѣмъ самымъ уже какъ бы наказываю ее за то, что она не оцѣнила моего кроткаго съ нею обращенія, не уступила моимъ ласкамъ. Арканъ, который мгновенно накидываю на лошадь, быстро повергаетъ ее на землю и наноситъ чувствительный ударъ ея самоувѣренности, вынуждая лежать до тѣхъ поръ, пока она, въ сознаніи своего безсилія, не перестанетъ порываться встать.

Такимъ образомъ, озлобленная и упорно сопротивлявшаяся лошадь теперь у меня на привязи, что даетъ мнѣ возможность управлять ея движеніями и побужденіями; слѣдовательно, тутъ начинается уже самая работа. Считаю неумѣстнымъ входить здѣсь въ подробности описанія употребляемыхъ мною приѣмовъ; скажу только, что при работѣ я постоянно одобряю лошадь,

безъ устали расточаю ей ласки и поощренія, — словомъ, всѣми мѣрами даю ей понять, что я поймалъ ее отнюдь не для того, чтобы чѣмъ нибудь вредить ей.

Въ продолженіе первыхъ уроковъ лошадь, озадаченная новымъ для нея положеніемъ, не сильно упорствуетъ въ своихъ сопротивленіяхъ, потому еще болѣе сдается, даже вполне уступаетъ человѣку. Но, придя въ себя и осмотрѣвшись, можетъ смекнуть, что и на привязи она не вовсе лишена средствъ отдѣлаться отъ моего вліянія, и даже угрожать мнѣ вредомъ. Замѣтивъ, что на мое терпѣніе и ласки лошадь отвѣчаетъ враждебными намѣреніями, и убѣдившись въ томъ, что безъ предупрежденія она неминуемо выполнитъ ихъ, я безотлагательно связываю ей одну, другую ногу, по способу г. Рарей, и валю ее. Для вразумленія лошади, что этимъ дѣйствіемъ наказывается только ея упрямство или коварство, я не постепенно вывожу ее изъ такого стѣсненія, а какъ только подмѣчу, что лошадь мнѣ повинулась, мигомъ срываю съ нея всѣ связки. быстро поднимаю на ноги и ободряю ее всѣми мѣрами.

Такъ лошадь пойметъ значеніе внезапнаго насилія, которому ее подвергли, и оцѣнитъ выгоды послушанія.

Употреблять же способъ г. Рарей такъ, какъ онъ самъ его употребляетъ, по моему мнѣнію, значитъ давать лошади понятіе лишь о ремняхъ, которыми ее связали и привели въ такое мучительное положеніе, слѣдовательно подрывать въ ней довѣріе къ собственнымъ силамъ, а не вселять уваженіе къ силѣ и власти человѣка.

Конечно, самъ г. Рарей имѣетъ въ виду достигнуть послѣдняго; но едва ли это ему удастся: онъ овладѣваетъ лошадью, во первыхъ, потому именно, что во время опыта усилія лошади теряютъ для нея самой всякое значеніе; во вторыхъ, тогда только, когда она вполне въ этомъ убѣдится, и, въ третьихъ, на столько, на сколько онъ успѣлъ лишить ее довѣрія къ себѣ самой. Поэтому-то, когда довѣріе это снова пробудится въ лошади, вмѣстѣ съ нимъ проявится въ ней и прежняя склонность къ сопротивленіямъ.

Все сказанное до сихъ поръ относилось къ исправленію порченныхъ лошадей; приложеніе же способа г. Рарей къ начальной выработкѣ молодыхъ лошадей я считаю положительно вреднымъ и напоминающимъ старинный обычай нашихъ домо-

рощенныхъ педагоговъ ни за что, ни про что съчь дѣтей по субботамъ, такъ только, на всякій случай.

Вообще говоря, начинать работу съ того, что показать лошади все превосходство надъ ней силы человѣка, далеко не согласно съ здравымъ взглядомъ на природу этого животнаго. Для успѣшнаго образованія лошади, человѣку необходимо сблизиться съ нею.

Такое сближеніе возможно только при полномъ довѣрїи лошади къ своему учителю; если же онъ поселить и упрочить въ лошади сознаніе о своемъ надъ нею превосходствѣ, то она, никогда не довѣряя ему, будетъ постоянно только остерегаться проявленія этого превосходства.

Изъ всего вышеизложеннаго слѣдуетъ, что способъ г. Рарей имъ самимъ примѣняется не тамъ, гдѣ бы онъ могъ быть дѣйствительно полезнымъ. Въ этомъ—то обстоятельствѣ, а не въ несовершенствѣ самаго способа, полагаемъ мы главную причину того, что онъ еще не принятъ, да едва ли и будетъ въ такомъ видѣ принятъ во всеобщее употребленіе.

И такъ, исключительное употребленіе разбираемаго нами способа для радикальнаго исправленія порченныхъ лошадей, какъ равно и для серьезной выѣздки молодой, свѣжей лошади, не можетъ привести къ желаемымъ результатамъ.

Но иногда можетъ встрѣтиться надобность въ самое короткое время усмирить лошадь, озлобленную въ такой степени, что обращеніе съ нею крайне—затруднительно и одно приближеніе къ ней угрожаетъ человѣку большою опасностью; тутъ некогда исправлять ее исподволь, нѣтъ времени постепенно добиваться окончательнаго смягченія ея нрава. Въ подобныхъ случаяхъ способъ г. Рарей могъ бы показаться весьма пригоднымъ; но для приложенія его къ дѣлу недостаточно одной ловкости и обыкновеннаго искусства берейтора, а необходима опытность человѣка, упражнявшагося именно въ такого рода прїемахъ.

Простаго же потребителя примѣненіе способа г. Рарей поставитъ еще въ опаснѣйшее, чѣмъ прежде, положеніе: онъ вызываетъ лошадь на бой, при которомъ не съумѣетъ даже держать себя такъ, чтобы она не могла ему повредить, а тѣмъ болѣе воспользоваться своимъ положеніемъ для усмиренія ожесточенной лошади. Если же берейторъ, изучившій методу г. Рарей, найдетъ возможность подойти къ строптивой лошади и подвѣзать ей ногу, то, конечно, онъ долженъ умѣть обойтись и безъ

этого и привести лошадь въ порядокъ инымъ путемъ. Съ другой стороны, изученіе одного только способа г. Рарей еще не обезпечить успѣха работы въ помянутомъ случаѣ: тутъ, какъ я сказалъ, человѣкъ вступаетъ съ лошадыю въ борьбу, для выдержанія которой ему необходимо быть бывалымъ вообще.

Мы слышали изъ вѣрнаго источника, что англійское правительство сдѣлало г. Рарей предложеніе пріѣхать въ Лондонъ съ тѣмъ, чтобы заняться тамъ спеціальнымъ ознакомленіемъ нѣсколькихъ молодыхъ людей съ его методою и пріучить ихъ къ правильному и ловкому употребленію его способа укрощенія злыхъ лошадей.

Отдавая полную справедливость той просвѣщенной заботливости, съ которою Англичане, въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, спѣшатъ прежде всѣхъ воспользоваться общепользымымъ изобрѣтеніемъ, позволимъ себѣ замѣтить, что исключительное изученіе способа г. Рарей и навыкъ въ его примѣненіи еще не дадутъ Англій хорошихъ кавалеристовъ, берейторовъ или конюховъ. Чтобы по этой части постоянно имѣть надежныхъ людей, которые, своимъ искусствомъ и полнымъ знаніемъ предмета, приносили бы дѣлу существенную пользу и способствовали дальнѣйшему его развитію, необходимо положить въ странѣ прочное основаніе всестороннему изученію природы лошади и распространенію здравыхъ понятій о средствахъ ея образованія и о пользахъ, какія можетъ оно принести.

Вотъ для этой-то цѣли мы считаемъ г. Рарей въ избыткѣ способнымъ человѣкомъ. Искренно и глубоко убѣжденные въ этомъ, мы вполне увѣрены, что на такомъ широкомъ поприщѣ богатыхъ познаній г. Рарей, его основательная опытность и тонкая наблюдательность получаютъ настоящее и обильное добрыми послѣдствіями примѣненіе.

Пусть Англичане поручать этому отличному знатоку лошади образованіе у себя какъ можно болѣе людей, такъ называемыхъ *gens de cheval*.

Пусть г. Рарей, не гоняясь за быстротою успѣховъ, обстоятельно сообщитъ своимъ ученикамъ раціональное познаніе природы лошади вообще, укажетъ имъ вѣрный путь дѣльнаго образованія ея и пособитъ разработать нравственную природу лошади въ той же степени, на которой стоитъ въ Англій познаніе механической стороны животнаго.

По окончаніи такого курса, каждый ученикъ г. Рарей пойметъ, что сила секрета его учителя состояла именно въ убѣжденіи, что никакого секрета тутъ и быть не можетъ; каждый ученикъ его сдѣлается полезнымъ и надежнымъ дѣятелемъ, и тогда, если хотите, для него достаточно одного только урока, чтобы съ успѣхомъ примѣнять разобранный нами способъ укрощенія злыхъ лошадей. Впрочемъ, мы бы сочли справедливымъ коротко знакомить съ этимъ способомъ только избранныхъ учениковъ, и то между прочимъ, въ видахъ случайнаго примѣненія.

Сдѣлавшись же предметомъ исключительнаго изученія и употребленія, полезное предложеніе г. Рарей не только не подвинетъ впередъ, но еще затруднитъ развитіе берейторскаго искусства, не принесетъ даже и односторонней пользы и напугаетъ (да хорошо еще, если напугаетъ только) тѣхъ, которые безъ достаточнаго приготовленія вздумали бы примѣнять его. Наконецъ, что всего прискорбиѣе, оно можетъ вообще поселить недоувѣріе къ самому г. Рарей. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ нимъ главное—то достояніе его, пожалуй, умретъ безслѣдно, а малая часть его, и та не понятая и неоцѣненная по достоинству, подвергнетъ нмя его незаслуженному нареканію.

Намъ было бы особенно пріятно, еслибъ статья этой удалась предостеречь нашихъ читателей отъ поверхностныхъ и неосторожныхъ отзывовъ о человѣкѣ, замѣчательныя способности котораго и вполне добросовѣстные труды даютъ ему неотъемлемое право на уваженіе и признательность всѣхъ потребителей лошадей.

Но если бы изложенные нами взгляды навели самого г. Рарей на вѣрную оцѣнку его способа, а желающихъ воспользоваться его богатствомъ — на прямой къ тому путь, если бы, наконецъ, посильному труду нашему посчастливилось хотя сколько нибудь облегчить тяжкую работу нашихъ товарищей—грузениковъ и улучшить участь лошадей на пользу самого человѣка, — цѣль одного изъ задушевныхъ желаній нашихъ была бы достигнута вполне.

АРКАДІЙ ПАНАЕВЪ.

Іюнь 1859 г.